

О, Настенька умела с человеком поговорить. Она была мастерица и с мальчишками потрындеть про боевики и всякое самбо, и с девчонками пощебетать о своём, о девичьем. Она умела даже без своего «поганого гипноза» легко и с душой поддерживать разговоры.

И главное – у неё был талант вовремя и к месту сказать главное.

Так и с Андреем она не тянула слона за хоботок, а сразу, буквально через пару дней после знакомства, выдала предложение, от которого молодой островитянин не смог отказаться: «Андрей, а тебе никогда не приходило в голову на мне жениццо? – хе-хе-хе...»

Андрей был вторым аборигеном мужского пола, с которым она познакомилась на Аласионе, так называл Кипр старикашка Кадм.

С самым стариком все оказалось настолько душевно и грустно, что Настенька сразу прониклась к нему сочувствием и поняла: «Вот она! Вот первая задача. Если я хочу стать королевой Кипра, надо сделать так, чтобы больше стариков не гнобили. Старость надо уважать. Да! А не выкидывать на помойку глупых старичков и старушек!»

История Кадма была простой. Он был жителем небольшого городка у озера, в котором родился и вырос, в котором женился и завел семью, в котором ведал делом сбора и распределения налога медью всем иностранным господам. Прожил жизнь хорошую, полезную, а когда пришло его время, не смог уйти из жизни с пользой для городка – не захотел самоубиваться, оставив свою должность сыну, а принял участь изгнанника, стал изгоем, удалился и стал жить как зверь, в норе, в землянке у моря, перестав быть человеком в глазах всех горожан.

Да! Только так. Только так оканчивалась жизнь в древние времена у всех людей, которые попали под влияние воинов с севера – эллинов. Просто всё было, очень просто. Мальчик подрастал, учился, женился, брал оружие и доспехи рода в руки и становился в ряд защитников города, когда приходило время выступить на защиту его.

А отцы старели. И в сорок лет уже оказывались не нужны, и тогда они уходили из города – отправлялись в дальние колонии, или уходили из жизни, собрав всех своих оставшихся в живых друзей, закатывали мощную пьянку-гулянку – «позею» – пили, кушали мясо и фрукты, развлекались и целовались как в последний раз, потому что все знали – для одного из них этот пир – сим-позиум и был последним – хозяин ставил точку в пьянке ранним утром, выпивая последнюю чашу вина, вина с ядом.

«Я жил отлично, я прожил долго, достаточно долго, чтобы легко расстаться с жизнью. Вспоминайте меня с улыбкой, я с улыбкой покидаю вас», – таковы были прощальные слова старика самоубийцы.

И всем всё было нормально и привычно. Такова была участь всех нормальных мужчин.

Были и два типа ненормальных. Первые – были очень редкими специалистами, они своим трудом себе длили жизнь, город не позволял уйти из жизни мастерам – это было понятно – некому заменить мастера, хоть десять учеников он мог подготовить и вырастить, а толку?

Встречались мастера уникальные, они делали вещи такие, что все сразу понимали – такой мастер славу городу множит, не надо его отпускать с работы на тот свет.

И были изгои – те, кто оставляли богатства рода, и покидали защиту городских стен, селились на окраинах. Их, конечно же, подкармливали сердобольные родственники, но для всех остальных горожан эти изгои как бы умирали, уходили из жизни.

А многих таких изгоев жизнь догоняла – приходила в их норку с визитом и ударом ножа – много всяких секретов и знаний было у стариков, не надо рисковать, проще похоронить эти знания, пока враги не заполучили.

Кадм был учетчиком добычи меди в своем городке, сам он не ходил в горы добывать и плавить медь, он вел контроль и учет, он следил за своевременностью и точностью уплаты городком медного налога.

У меди было несколько названий, так бывает, когда слишком разные народы живут по соседству, такие народы, которые с трудом могут договориться, и все готовы обидеть жителей острова, на котором этой меди – завались – все горы, казалось, из одной меди состоят, знай: копай, круши, собирай и выплавляй в аккуратные слитки. И плати дань. Всем плати: и на юг за море египтянам плати, и на восток всем подряд плати, и на север эллинам тоже плати. Иначе приплывут и привезут горе, а не полезные в жизни вещи.

У меди – главного достояния Кипра – было и южное название, и восточное, и эллинским «кипрсом» называли медь островитяне.

Кадм не был обычным мужчиной, но особенным мастером тоже не был – учетчик на складе, сын его легко мог заменить после того как освоил грамоту и несколько языков, чтобы быть аккуратным налогоплательщиком.

И Андронион заменил Кадмиона, который не решился выступать укором для мужчин городка, и в шахту лезть не хотел, никогда он этот «кипрс» поганый не рыл и не плавил.

Взял Кадм чашку, старый нож, кусок соли и ушел из городка на озеро. Родные его не оставили вниманием, подкармливали иногда, а всем остальным он оказался не нужен. Пропал старый Кадм и пропал, теперь его сын стал заведовать налогами и вести дела с этими погаными сволочами из-за моря.

Насте хватило одного взгляда на молодого юношу, своего ровесника, чтобы сразу оценить его: красивый! Накачанный! У него реально и плитки мускулов на груди хорошо выпирали

рельефом и на животе были кубики!

И умный! Балбес конечно, куда он там умный, знает немного слов для общения с иностранцами и грамоту знает – она в миллион раз больше его знает, у неё знаний на две тысячи триста пятьдесят шесть лет вперёд.

Настя довольно быстро точно определила время, в котором оказалась. Андрей ей рассказал про новые порядки на севере – македонский царь всей Эллады дал пинка эллинам, выступил со своей фалангой против сборной Эллады и выиграл матч. Потом они помирились и создали новый союз – Коринфский союз Эллады, где Филипп македонский стал за главного.

Андрюшка пытался возомнить о себе чересчур, задрал нос и ошеломил Настю: «У меня имя, как у самого наследника македонского царя, царевич Андрион в том бою всем свою смелость показал, как ударил на конях! Только и побежали трусливые эллины!»

Настя быстро пришла в себя, уточнила: «Царевич македонский Андр, не Александр?»

Парень заразительно расхохотался в ответ: «Нет, он Андр, как я. Нет, это я как он. Не как он, просто имена у нас одинаковые, у меня имя как у македонского царевича, и всё, не больше. Я ничего такого не говорил», – перешел со смеха на бормотание этот тщеславный юнец.

Настя ему погрозила пальцем и не очень расстроилась. Это была еще одна капля дегтя, в бочке каки.

Ещё один «кирпичик в стену» – её родители иногда слушали довольно вредный рок, мелодии так и привязывались к тебе, долго потом вспоминались, «Песня про кирпич» ей очень понравилась. А клип просто смешной, но интересный, а всё кино какое-то непонятное,

намесили там всего подряд и ничего не ясно: мультик это, или про любовь, или непонятно про каких-то фашистов – дураки какие-то.

Когда Настя и сама скоро разговорилась, и легко разговорила старика Кадма, она быстро выяснила одно – никакая она не попаданка!

Она просто «перерожденка». И все эти разговоры про карму и всякие индийские штучки – это не про неё.

Она очнулась в параллельной реальности! Не Земля вокруг была. Точнее, не совсем Земля – мир вокруг капельку отличался от известного ей, а уж теперь она точно знала, могла стопудово отвечать на отлично на все вопросы школьной программы и даже более сложные экзамены осилить.

Кадм её долго не понимал, о какой «Трое» спрашивает дочь богов, а потом она сообразила и спросила про «Илион», и всё встало на свои места – не было никакого «Илиона», был «Эллион», и все эти эллиониты после его падения и стали эллинами, расселились по всему миру, кто куда убежал из богатого и древнего, но разрушенного города.

Но и победители получили наказание за своё чрезмерное увлечение войнушкой! Вы что думаете? Пока ты где-то за морем в военного-здоровенного играешься и всякие подвиги вытворяешь – у тебя дома не найдётся любителя на твой трон свой зад пристроить?

Ха! Да там половина победителей Эллиона после возвращения домой сразу развернулись и сели на корабли, чтобы искать место для новой колонии.

Одиссей – вот это был крутой мужчина – ухитрился всех претендентов на свой трон, и на свою

жену убить.

Терминаторов мало было, но встречались во все времена отморозки.

Факт за фактом, то тут, то там Настя собирала знания об окружающем её мире – Кадм был хорошим учеником отца и многое знал про египтян, эллинов и персов.

Ненормальная Земля её окружала, но это освободило Настю Звягинцеву от всяких сомнений.

Однажды она сидела на берегу моря, куда убегала прятаться от сына Кадма, который не любил, но уважал знания и опыт отца, приходил к нему посоветоваться – и стал подглядывать за дивной новой знакомой. Не до него было Насте пока, – там, глядя на волны беспокойного в тот день Средиземного моря, Звягинцева окончательно стала свободной.

Если это не Земля, если вся история другая, тогда нет, и не может быть никакого эффекта бабочки Брэдли! Тогда она свободна творить что угодно! Что в голову взбредёт.

Только дата боя, когда Филипп македонский победил греческую сборную, точно указала ей время – шёл триста тридцать восьмой год до новой эры, не было теперь у неё ни «нашей», ни «чужой» эры. И кругом не было у неё никого родного на всём этом «Кипре» – острове, который вдруг стал ей оттого очень симпатичен и нужен – полезный он был, уютный и очень особенный!

Менялись государства востока и юга и севера, но не менялись порядки на Кипре – всем была нужна медь. Однажды и навсегда египтяне и владыки Востока пришли к единому мнению – в этом они договорились – никто не претендует на медный остров, пусть он доставляет медь всем.

Лишь иногда находились смутьяны, которые бросали вызов всему миру, давным-давно были и минули года власти египетского фараона, сейчас настали года власти персидского царя царей, островитянам было всё равно – только не убивайте, отстаньте, берите свою медь и оставьте нас в покое, у нас этой меди завались!

Настя внимательно просматривала мысленным взглядом учебник в голове и понимала одно: скоро стоит ждать гостей от нового басилея, который возомнил себя потенциальным владыкой всего цивилизованного мира.

Но! Может быть и не будет никаких походов Македонского? Хотя Кадм ей сказал главное: очень серьезно настроен Филипп, всем известно его желание пограбить Азию, оттого так и щедр он к эллинам, там милостив после своих побед – ему союзники нужны – Азию грабить, это не соседей копьями пихать под удары конницы.

До маленького городка шахтеров у озера, который так и называли Паралимней, было километров десять от норы старого Кадма, а до большого Энкомей и все тридцать надо было шагать по дороге на север.

На юге был «кошачий город» – Китион, очень название понравилось Насте, хотя Кадм её шутки не понял – с уважением в эти времена относились к большим портам-полисам.

Энкомей давно был основан, город-порт, из которого до восточных народов было всего полторы сотни километров через море.

От Кипра до соседей на севере и сотни километров не было – маленький пролив, на востоке – сотня, это до Африки и египтян пикировать километров четыреста, и хорошо, иначе житья бы не было от этих африканцев.

На востоке финики пронырливые тоже были те еще соседи. Давно уже длились времена спокойствия, под властью персов, но над миром возшла македонская звезда, и она еще не засияла в полный свет.

Но скоро она обещала проникнуть своими лучиками во все уголки цивилизации, даже такие скромные, как далекий от Эллады остров на котором добывали медь.

<http://tl.rulate.ru/book/98296/3325507>